

УТОПИЯ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН И ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ТВОРЧЕСТВЕ СОВЕТСКИХ И БЕЛОРУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

К. В. Керус

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Научный руководитель В. Н. Яхно, канд. филос. наук, доцент

До XIX в. утопизм развивался в основном как литературный жанр, но с приходом индустриализации он стал трактоваться как образ мышления, имеющий определенное влияние на политическую и социальную реальность: технический прогресс незаметно и быстро стал причиной развития коммунизма и социализма, менялось мышление людей и появилась неразрывная связь таких понятий, как «утопия» и «будущее». В то же время в европейских словарях утопия трактуется как «фикция, фантастика, нечто ирреальное, неосуществимый идеал, греза, химера, идеальное государство или общество». Также стоит отметить, что данное понятие трактуется марксистами лишь в негативном значении (до развития социалистической и коммунистической утопии). Тогда же проводится и анализ феномена в контексте литературного и социально-политического жанров. И возникает парадокс: утопия трактуется различными политическими и социальными направлениями в совершенно противоположных контекстах. Определенность смог дать только Ф. Знанецкий в 1952 г., предложив свою типологию утопизма, которая основывалась на том, что к утопиям можно причислять лишь те произведения, авторы которого конструируют системы совершенного общества, но не прилагают усилий для их претворения в жизнь. То есть к утопизму относятся произведения по типу тех, которые относятся к истокам становления данного феномена, ведь тот же Т. Мор не был предводителем какого-либо социального движения, но самим произведением объединил вокруг себя активных сторонников данного направления. Таким образом и многие другие произведения изначально были направлены на воодушевление и какую-либо динамическую деятельность в обществе.

В середине XIX в. возникает серьезная дискуссия между социалистами и консерваторами относительно значимости утопий в целом, ведь социалисты изначально отвергали значимость утопий и были настроены крайне скептически касательно данного движения. Огромное влияние на новое изменение смысла «утопии» оказало возникновение коммунизма, который непосредственно ставит перед собой цель всеобщего блага. То есть в некотором плане «коммунизм» и «утопизм» становятся синонимами. В это же время изменяется и отношение социалистов к утопиям: становится очевидными, что и коммунизм, и утопизм преследуют цель создания идеального социального государства (хотя первые коммунисты и негативно относились к их определению как утопистов). Это повлияло на возникновение новой классификации утопий, но уже не как литературных жанров, а как движений. Появляются и получают широкое распространение и развитие политическая утопия, социальная утопия, социалистическая и коммунистическая утопии.

Стоит отметить, что данные разновидности формируются не только из-за развития разных политических течений, но и из-за общего изменения социально-политической атмосферы в разных странах. Человечество было на распутье, потому

что новые технологии открывали новые возможности, менялось сознание людей, актуально, остро задавался вопрос: «А что же дальше?».

В то же время осталось определенное неприятие утопий марксистскими мыслителями. Их критика сводится к следующему: 1) утопическое мышление является анахронизмом в эпоху современного капитализма, так как капитализм – материальная основа для построения социализма; 2) утопические социалисты не понимают исторического значения капитализма и отрицают важную роль пролетариата; 3) для социалистов-утопистов агентом социального действия является гений-преобразователь, но никак не пролетариат; 4) утопические социалисты веруют, что социализм может быть реализован посредством этического примера через создание образцово-показательных социальных общин; 5) для социалистов-утопистов характерна склонность к созданию детализированных до абсурда картин светлого будущего [1].

Тем не менее события 1871 г., связанные с Парижской коммуной, вновь обострили интерес общества к утопиям, и ближе к началу XX в. семантика феномена вновь изменилась, вернувшись к трактовке и противоречиям, характерным для начала XIX в.

От научной фантастики того времени требовалось поддерживать позитивный взгляд на будущее и веру в коммунистическое развитие. Причем приветствовалась техническая достоверность, но осуждалась сатира и мистика [2]. В 1950-е гг. в результате бурного развития космонавтики произошел расцвет научной фантастики, наполненной мечтами об освоении Солнечной системы, колонизации планет и подвигах космонавтов. Выдающимися авторами того времени по праву считаются Г. Гуревич, А. Казанцев и Г. Мартынов. Начиная с 1960-х гг., советская фантастика начинает отдаляться от твердых рамок научности, делая упор на социальную фантастику. Этот жанр нашел свое отражение в книгах братьев Стругацких, Кира Булычева и Ивана Ефремова, которые поднимают социальные и этические вопросы, содержат воззрения авторов на человечество и государство.

Контексты утопии коренным образом меняются в 1980–90 гг. XX в. В Беларуси этот период не только время активной критики тоталитаризма и коммунистической утопии, но и время активной разработки экологической тематики, а также анализ последствий техногенных катастроф. Экологическая тематика стала особо актуальной в связи с аварией в Чернобыле. Продолжая классические традиции А. Платонова, Е. Замятина и Булгакова, в Белорусской республике создаются книги А. Адамовича, В. Гигевича, Е. Поповой, А. Эйпура, О. Минкина, С. Лукашанца и др. [3].

Работы белорусского автора Василия Семеновича Гигевича (прежде всего, «Корабль» и «Пабаки») имеют социально-философское содержание. Так, в романе «Корабль» автор затрагивает чрезвычайно важные аспекты сциентизма и антисциентизма, ответственности ученого за научные и социальные эксперименты, необходимости следовать принципам научного этиоса. Трагизм и абсурдность происходящего подчеркивается тем, что сюжет, связанный с недалеким будущим, пересказывается посредством записей из блокнота неизвестного пациента психиатрической клиники. Совокупность различных жанров и стилей, использование служебных записок, фрагментов докторской диссертации, политических агиток, протокольных выписок и газетных статей в произведении «Пабаки» свидетельствуют о постмодернистском характере еще одной работы Василия Гигевича, скорее, антиутопии нежели утопии. В этом произведении автор делает акцент на классической этико-философской проблеме свободы выбора и умении героями повествования «держат удар», нести ответственность за содеянное.

Итак, история утопий и утопизма многогранна и так как мир по-прежнему обладает огромным количеством недостатков, то утопии как особый тип сознания и социальный феномен, конечно, будут существовать и дальше, потому что аккумулируя результаты исследования недостатков и необходимых достоинств социума, авторы утопий формируют каркас экономической, морально-правовой, политической и других сфер жизнедеятельности общества не только как теоретический конструкт и футуристический проект, но и как ценностный ориентир для необходимого внедрения в социальную реальность.

Л и т е р а т у р а

1. Мартынов, Д. Е. К рассмотрению семантической эволюции понятия «утопия» (XX век) / Д. Е. Мартынов // *Вопр. философии.* – 2009. – № 5. – С. 162–171.
2. Мильдон, В. И. История и утопия как виды сознания / В. И. Мильдон // *Вопр. философии.* – 2006. – № 1. – С. 15–24.
3. Голубович, Н. В. М. А. Булгаков и современная белорусская проза / Н. В. Голубович // *Вестн. ВДУ.* – Режим доступа: <https://lib.vsu.by> › jspsui › bitstream. – Дата доступа: 03.04.2021.

ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЕДЕНЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА РЕЛИГИОЗНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНТОВ ГОМЕЛЬСКОГО РЕГИОНА)

В. В. Лёгенький, А. С. Масло

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Научный руководитель В. К. Борецкая, канд. филос. наук, доцент

В современном социогуманитарном знании существует множество определений религиозности, данное понятие невозможно раскрыть вне рассмотрения индивидуальных особенностей личности. В контексте личностного аспекта феномена религиозности особую значимость приобретает исследование гендерных особенностей, специфики религиозных переживаний, представлений и поведенческих моделей представителей разного пола. Многие исследователи отмечают, что для женщины характерна более высокая степень религиозной потребности, чем для мужчины [1], [2]. Религиозная потребность может проявляться в мировоззренческих установках, ценностных ориентирах и поведенческих практиках, в том числе и культовой.

В настоящем исследовании предпринята попытка сравнительного анализа характеристик поведенческого компонента религиозности у юношей и девушек. В качестве критериев для анализа были изучены частота молитвенной практики, посещения богослужений, чтения религиозной литературы и соблюдения поста студенческой молодежи Гомеля и Гомельской области.

Эмпирической базой исследования является социологический опрос среди студентов Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого, Гомельского государственного медицинского университета, Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины, Белорусского государственного университета транспорта, проведенный в феврале–марте 2021 г. Число опрошенных студентов составило 110 молодых людей и 110 девушек в возрасте от 17 до 23 лет. В исследовании приняли участие студенты технических и гуманитарных специальностей. Респондентам было предложено отметить, как часто они посещают религиозные службы, читают религиозную литературу, соблюдают пост и молятся.